

И. А. Чернякова
(Петрозаводск)

Неизвестный эпизод карельской истории в контексте шведской оккупации Великого Новгорода в начале XVII века*

Находящийся в центре внимания в настоящей статье документ – «Повенецкая таможенная книга 1612 года»¹ – стал известен мне благодаря Геннадию Михайловичу Коваленко, заведующему Новгородским сектором Санкт-Петербургского института истории РАН. По его просьбе Элизабет Лефstrand, профессор Стокгольмского университета, прислала в Петрозаводск ксерокопию текста, почти четыре столетия тому назад составленного на Повенце – одном из немногих подобных пунктов в те времена в этих северных краях на берегах Онежского озера – реестра сборов таможенных пошлин и платежей.

Текст был подготовлен к изданию и размещен в Интернете первоначально как учебно-образовательный ресурс в рамках международного проекта TERP (Teaching-Editing-Research Project), выполняемого действующей на историческом факультете ПетрГУ Исследовательской лабораторией локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК) совместно с коллегами в Финляндии (университет г. Йюэнсуу), Германии (Институт истории общества Макса Планка в Геттингене, с 2006 г. – исторический факультет Кильского университета) и Санкт-Петербурге (Институт истории РАН). Одновременно текст был опубликован в «Рабочей тетради по русской палеографии»² и активно использовался в учебном процессе для практических занятий и контрольных работ в рамках курса «Русская палеография», преподаваемого автором на историческом факультете ПетрГУ (специальность «Историко-архивоведение»).

Опубликованный исторический документ является беловым списком, сделанным в Новгороде по распоряжению дьяка Семена Лутохина с привезенных Богданом Михайловым черновых записей повенецких таможенников. Непрерывность его скрепы, идущей по

* Настоящая статья была опубликована в предварительном варианте как Предисловие к электронному документальному изданию. См.: Чернякова И. А. Повенецкая таможенная книга 1612 г. // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК (ISSN 1819-9399). 2006. Режим доступа: <http://illmik.onego.ru/news/Documents/6BC8170F-9C1C-4612-8238-E93BB733ECA6.html>

внешнему полю книги и заканчивающейся на ее последней строке, свидетельствует о полноте дошедшего до нас текста. Служение дьяка Семена Михайловича Лутохина в Новгороде при шведах подтверждено С. Б. Веселовским³, который ссылается на АЮБ и ДАИ⁴.

Новая, исправленная и дополненная, версия электронного издания источника подготовлена и размещена для свободного доступа в рамках учебно-методической деятельности ИЛЛМИК О. В. Черняковым, главным специалистом издательства ПетрГУ, заместителем руководителя лаборатории по техническим вопросам, на базе программного продукта Adobe Acrobat, что позволяет знакомиться с ним как непосредственно через Интернет, так и загруженным на жесткий диск или CD.

Одной из целей данной публикации являлась демонстрация новых возможностей, предоставляемых современными технологиями для академического издания исторических документов. Программные средства Adobe Acrobat позволяют с помощью встроенной поисковой системы находить в тексте любые слова и получать справку о смысловом значении вышедшей из употребления терминологии, географических названий и упоминаемых лицах непосредственно в контекстных меню. Это освобождает от необходимости создавать традиционные указатели в виде перечней терминов, названий и имен с отсылками к соответствующим страницам.

Уже самая первая фраза публикуемого древнего текста, сообщающая, что 20 июня 1612 года подьячий Богдан Михайлов приезжал на Повенецкий рядок, находившийся в Толвуйском погосте, и взял книги, в которых местные таможенники – «верные целовальники» – Третьяк Иевлев, житель расположенной довольно далеко через залив Малое Онего д. Кузаранды, и Ефим Крунин, родом из находившейся по тому же берегу, но значительно южнее Челмужи, фиксировали взимавшиеся ими здесь, в таможенной избе на Повенце, пошлины, позиционирует данный исторический документ как архиважный.

Отметим сразу – это один из весьма немногих известных науке информативных текстов такого рода. Сохранился он, по-видимому, лишь благодаря уникальному стечению обстоятельств. Попав в Великий Новгород в период шведской оккупации (1611–1617 гг.), записи повенецких сборщиков оказались в составе дел новгородской канцелярии, делопроизводство которой было вывезено в Швецию Якобом де ла Гарди, где и хранится в составе так называемого «оккупационного архива» по сей день.

До принятия Торгового Устава (1653 г.) – первой попытки упорядочить и систематизировать таможенные правила в России –

еще оставалось несколько десятилетий. Поэтому каждый подобный текст сверхценен с точки зрения конкретной исторической информации, позволяя представить, как обстояло дело в разных частях государства, какие где действовали традиции и ставки.

Более того, Г. М. Коваленко, опубликовавший более десяти лет назад (в 1996 г.) привезенные из Стокгольма в ксерокопиях записи явок товаров, сделанные в Великом Новгороде с сентября 1610-го по сентябрь 1611-го и с сентября 1612-го по сентябрь 1613 года, не сомневается в том, что это – «самые ранние из дошедших до нашего времени таможенные книги Российского государства»⁵. Представляемые здесь записи Повенецкой таможи были составлены как раз между этими двумя древнейшими из известных науке таможенных книг – с января по июль 1612 года.

Заполненные убористой скорописью начала XVII века 25 страниц, безусловно, оправдывают ожидания исследователей российской торговли и российского таможенного дела в получении новых фактических данных из источника, введенного нами в научный оборот. Хотя в Западной Европе, особенно в сфере действия знаменитой Ганзы, записи таможенников – далеко не редкость и известны уже со второй половины XIV века, велись ли подобные реестры отправляемых и привозимых товаров по городам и весям тогдашней России – сказать невозможно. Даже то, что было составлено позднее, в XVII веке, в подавляющем большинстве безвозвратно утрачено вместе с ценнейшей информацией об ассортименте, о ценах, об организации и объемах перевозок, о процедуре взимания всякого рода сборов и пошлин, об их стоимостном выражении, наконец. Поэтому каждый вновь вводимый в научный оборот подобный исторический текст трудно переоценить. Кроме дополнительных данных по метрологии и таможенной практике, кроме еще одного свидетельства об активно действовавшем здесь на севере торговом пути, он содержит целый ряд имен торговцев – тех самых «изможных» крестьян, из которых в начале XVII столетия уже всю формировалось в Олонецкой Карелии предпринимательское сословие – будущие крепкие олонецкие, вытегорские, заонежские и пудожские купеческие фамилии.

Данный документ был создан в наиболее драматичный период российской истории. К удаче исследователя он несет на себе характернейший отпечаток сложной политической ситуации начала XVII столетия, известного под названием Смуты. Обращает внимание преамбула документа. В ней странным образом сочетаются привычно российские титулы и звания со службой не только «новгородскому

государству», но и «королевскому величеству»⁶. Оба – и шведский военачальник, ставший во главе управления Новгородом и его землями Якоб де ла Гарди, и князь Иван Большой Одоевский именуются «боярами и воеводами». Любопытно, что имя первого приведено с отчеством – совершенно на русский манер. Будучи сыном известного француза Понтуса де ла Гарди, жившего в XVI веке и служившего сначала Франции, потом Дании, потом Швеции, воевавшего и погибшего в России, он поименован Яковом Пунтосовичем.

Допуская, что новгородская феодальная знать, вынужденно подчинившаяся Ивану III (70-е гг. XV в.) и еще раз жестоко покоренная Иваном IV (70-е гг. XVI в.), могла, по-видимому, продолжать считать обширную зону на северо-западе России «новгородским государством», сохраняя известную автономию в делах не только внутренних, но в какой-то мере и внешних, не можем не заметить – королю Швеции территория эта все-таки не подчинялась, тем более она не входила в состав его державы. Документ, таким образом, свидетельствует более всего о сложности политического момента. Управляя оккупированным Новгородом, Якоб де ла Гарди активно насаждал шведскую администрацию. Как показано в статье новгородских историков В. А. Варенцова и Г. М. Коваленко, «воеводы и приказные всех рангов дублировались шведскими чиновниками»⁷.

Подчеркнем, что при этом главой шведской администрации всячески подчеркивалась преемственность власти настолько, что это отразилось даже в делопроизводственной практике. Известно с какой ответственностью (и под угрозой неминуемого наказания) должны были следовать приказные люди в тогдашней России строго определенному формуляру титулования лиц государственного уровня власти. Так что случайным в преамбуле нашего документа ни одно слово быть не может.

Впрочем, подписав договор со Швецией в июле 1611 года новгородцы, кажется, создали политическую ситуацию, альтернативное развитие которой могло изменить будущую карту Европы. Подталкиваемая инициативой захватившего Новгород предводителя шведского войска Якоба де ла Гарди, активно добивавшегося приезда в Россию принца Карла Филиппа, десятилетнего брата короля Густава II Адольфа, новгородская знать как будто бы действительно была близка к отделению от Московского царства и учреждению собственной государственности с династией шведского происхождения.

Однако шведский король медлил с отправкой брата в Россию, надеясь, возможно, реализовать более радикальные планы. Тем временем наемное войско, стоявшее в Великом Новгороде, требовало нео-

тложных забот своего предводителя. Нерегулярность поступления денег из Швеции, задержки с выплатой жалования, все большее разорение местных жителей постоем иноземцев рождали недовольство и могли привести к катастрофе неуправляемости знаменитый «корпус Делагарди». Выход был найден в выпуске новых, облегченных копеек, но с использованием, как убедительно показала А. С. Мельникова, старых штампов с именем последнего легитимного царя Василия Шуйского⁸. Тем не менее денежной массы не хватало, и не хватало настолько, что «шведы скупали старые монеты и серебро у населения и переделывали их, чеканя из гривны 360 копеек вместо 300»⁹.

Несомненно, подьячий Богдан Михайлов был отправлен в Повенец за деньгами, которые должны были на здешней таможене, расположенной на северо-восточном берегу Онежского озера, накопиться к началу лета. Именно сюда везли по известному соляному пути, стараясь успеть до весенней распутицы, на санях ценнейший продукт — соль — с берегов Белого моря, где действовали многочисленные соляные варницы, здесь соль складировали, заключали сделки по перепродаже, и, если не увозили немедленно дальше, хранили в амбарах, чтобы позднее, летом, переправить уже по воде, вглубь России.

Как явствует из текста, за два с небольшим месяца 1612 года — с 26 января по 1 апреля — на Повенец прибыло восемь обозов с солью. Вне зависимости от того, был он местом доставки или обозы шли дальше, все должны были заплатить на местной таможене целый ряд специально установленных поборов и пошлин: знаменитые «поголовное», «полозовое», «свальное», а также «весчее»: «с пуда по деньге». Незадолго до прибытия Богдана Михайлова — 12 и 15 июня — уже пришли на Повенец первые с открытия навигации суда за солью. Если учесть, что двигались «носады» (искаженное от старорусского «насад») не быстро, то нельзя думать, что реки и озера вскрылись той весной как-то особенно поздно. Владелец первого из этих плоскодонных судов с высокими бортами, по-видимому, вполне удобных здесь на севере для перевозки соли, хотя на Волге и Каме в них по преимуществу возили дрова¹⁰, Степан Хамталин прибыл из Новгорода. Предъявив на таможене 100 рублей — сумму по тем временам немалую — и купив соль, он должен был заплатить «верным целовальникам» с этой сделки пошлину: «с рубля по 5 денег». Вместе с полученными таким же образом пошлинными деньгами с прибывшего тремя днями позднее из Шалы на таком же «носаде» Ульяша Ортемова, с которого, кроме того, было взято еще и «корговое», и «поголовное», в таможенной избе должно было находиться в момент прибытия новгородского чи-

новника по крайней мере 3 рубля 7 алтын 8 денег. Тем не менее, констатирует составитель документа, таможенники «в зборе у себя денег в государеве казне не сказали ни одной деньги».

Можно думать, что целовальники Третьяк Иевлев и Ефим Крунин попросту не желали отдавать таможенные сборы для доставки на нужды шведов, захвативших Новгород. Вся ситуация выглядит как в своем роде акция пассивного сопротивления. Если, допустим, насчет платежей, собранных с возчиков соли по зимнему пути до 1 апреля, они могли отговориться тем, что уже успели передать их на стан в Ошту, откуда в первой половине XVII века управлялась территория Заонежских погостов, то средства, поступившие в казну таможи на Повенец буквально накануне приезда Богдана Михайлова, они еще не могли успеть никуда отправить.

В свете подобных рассуждений информативно даже то, что ждать новых поступлений подьячему Богдану Михайлову пришлось довольно долго. Не потому ли задержался он здесь почти до середины лета, что местные торговцы солью были хорошо информированы и не спешили забирать ее из повенечских амбаров, чтобы опять же избежать платежей, ожидаемых шведской администрацией?

Наконец, 2 июля прибыло третье по счету с начала навигации торговое судно, которое привел с противоположного берега Онежского озера вытегорец Иван Голованов. Последняя запись сделана именно под этой датой. Таможенники взяли с него все положенные сборы: пошлины с рубля по 5 денег, корговое 16 алтын 4 деньги, и поголовное — с каждого человека на судне по алтыну, всего — 4 рубля 24 алтына (в документе ошибочно 4 рубля 4 алтына). С этими деньгами Богдан Михайлов, по-видимому, поспешил вернуться в Новгород.

Сам этот приезд выглядит как инспекционная поездка, вызванная тем, что ожидаемые в Великом Новгороде всю весну и начало лета 1612 года таможенные сборы так и не были доставлены. Поэтому и изъяты были «книги» с записями, поэтому их впоследствии не поленились переписать набело уже в Новгороде. Поэтому же, в конечном итоге, мы, спустя без малого чetyреста лет, узнаем об этом — на первый взгляд локальным, но абсолютно вписывающемся в значительность происходивших на северо-западе России в драматические времена Смуты междуцарствия событий, — эпизоде местной и одновременно общегосударственной истории.

¹ Государственный архив Швеции: Новгородский Оккупационный архив 1611–1617 гг. Серия I, № 47.

² Чернякова И. А. Рабочая тетрадь по курсу русской палеографии: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2003. 104 с.

³ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. С. 305.

⁴ Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Под ред. Н. В. Калачева. Т. I. СПб., 1857. № 90. Стлб. 585; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. II. СПб., 1846. № 46, 47. С. 77, 80.

⁵ Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов / Публ. подг. В. А. Варенцов и Г. М. Коваленко; Под ред. В. Л. Янина. СПб.: АО «ПиК», 1996. С. 10.

⁶ Здесь и далее цитаты приводятся по электронному изданию: Чернякова И. А. Повенецкая таможенная книга 1612 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://illmik.onego.ru/Povenets/index.html>

⁷ Варенцов В. А., Коваленко Г. М. В составе Московского государства: Очерки истории Великого Новгорода конца XV – начала XVIII в. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. С. 37.

⁸ Мельникова А. С. Шведы в Новгороде // Русские монеты от Ивана Грозного до Петра I. М., 1989. С. 136–145.

⁹ Варенцов В. А., Коваленко Г. М. В составе Московского государства... С. 38.

¹⁰ См.: Словарь русского языка XVIII века. Вып. 14. СПб.: Наука, 2004. С. 35.